



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Проклятие короля-оборотня
Сердце принца-ворона

Продолжение следует...



ФЕЙРИВЭЙ





Эмбер

В одиночестве есть своя музыка. Но мне редко удается ее услышать. Лишь по утрам, пока день еще не наполнился какофонией требований, а до восхода солнца целый час, я могу насладиться миром и покоем. После рассвета мне придется покинуть убежище на крыше и вернуться к домашним обязанностям. Однако сейчас я слышу ее — едва уловимую песню спящего города.

Раздается уханье совы, и я бросаю взгляд на соседнюю крышу, откуда за мной наблюдает пара ярко-желтых глаз. Сова ухает снова, будто прося признать ее участие в предрассветной песне.

— Я тебя слышу, — шепчу, прислоняясь головой к кирпичной трубе, и вытягиваю ноги, защищенные от холодного воздуха толстыми шерстяными рейтузами, вдоль узкого плоского выступа, расположенного между покатыми сторонами крыши.

Здесь мое святилище, во всем своем неряшливом, измазанном сажей великолепии. Мое место в невидимом оркестре.

Закрыв глаза, я словно заворачиваюсь в музыку. Уханье совы, легкий ветерок, шелестящий в темном небе, стрекот сверчков, эхом доносящийся из окружающих город сельских просторов. Еще один знакомый звук — топот енота, что подбирается к мусорным бакам, громоздящимся в узком переулке между нашим и соседним многоквартирным домом.

— Тебя я тоже слышу, — сообщаю еноту, плотнее запахивая шерстяное пальто, надетое прямо поверх ночной рубашки.

Вокруг по-прежнему звучит колыбельная, и я нежусь под гаснущим светом луны, целующим закрытые веки. Пройдет совсем немного времени, и солнце захватит лунную территорию. Даже здесь, в Лунарии — Лунном королевстве, мы не свободны от власти дневного света и привносимой им суеты. Из одиннадцати королевств острова Фейривэй лишь в Лунарии в дневное время царит вечный полумрак и солнечным лучам приходится пробиваться сквозь тусклую дымку. Тем не менее, как и в других королевствах, утром зазвонят колокола. Город Эванстон пробудится ото сна.

И я проведу очередной день, расплачиваясь за наиглупейшую сделку.

Но, по крайней мере, у меня есть этот миг.

Уже в скором времени все изменится. Музыка наполнит мои дни и озарит ночи. Я освобожусь от своей семьи, оставлю позади прошлое и все пережитые невзгоды. Я смогу стать другой.

Лишь тогда я найду для себя место в этом мире. Мелькнувшая мысль вызывает улыбку.

Я открываю глаза и тянусь к карману пальто, извлекая на свет свое самое большое сокровище — талон на поездку на поезде. Билет на свободу — в буквальном смысле слова. Я всюду ношу его с собой. Через две недели я оставляю позади привычную жизнь и на вокзале Эванстона сяду в поезд, идущий в город Люменас в Звездном королевстве. Его считают музыкальной столицей Фейривэя. Говорят, для начинающих музыкантов там открываются просто безграничные возможности. Приехав в Люменас, я твердо намерена присоединиться к музыкальной труппе и начать новую жизнь, без каких-либо привязанностей и удушающих уз. Лишь с мелодией на кончиках пальцев.

Касаюсь пальцами гладкой бумаги, осторожно, чтобы не запачкать дату или отметку об оплате проезда. Я почти год откладывала деньги и наконец на прошлой неделе сумела тайно купить билет. Но мне до сих пор не верится, что он настоящий и свобода в самом деле так близка.

Почти рядом.

Еще две недели.

На билет вдруг падает синий отсвет. Вздвигнув, я поднимаю взгляд и замечаю три ярко-синих огонька, зависших над головой. Странно видеть их здесь. Пусть Фейривэй и населяют фейри, которые к тому же составляют всю правящую верхушку, но Эванстон по большей части человеческий город. На его улицах редко можно встретить диких фейри, таких как эти огоньки.

Однако сейчас они очень близко, и в ярких кружочках света, делающих их похожими на светлячков, мне хорошо видны их крошечные личики и коротенькие ручки и ножки. Фейри с любопытством рассматривают мой билет.

— Собираешься в путь? — спрашивает одна из них тонким женским голоском.

Я молча аккуратно складываю билет и убираю обратно в карман.

— Зачем тебе поезд? — вступает другая, голос ее немного выше, чем у первой. — Мы проводим тебя, куда захочешь.

Я лишь фыркаю. Все знают, что огонькам нельзя доверять, особенно когда речь идет о путешествиях или направлениях.

— Пойдем с нами, — поддерживает третий, у него голос более мужской. — Прямо сейчас.

— Сейчас я не готова, — поясняю я, но это верно лишь наполовину. Если бы все зависело только от меня, я бы давно оставила свою семью. Но, согласно условиям сделки, не могу покинуть их до девятнадцати лет.

— Тогда поиграй с нами! — снова начинает первая, взлетая по спирали все выше надо мной. — Давай летать!

Я бросаю на нее удивленный взгляд.

— Я не умею летать.

— Ты соткана из ветра, — сообщает вторая.

В груди возникает болезненная пустота. Откуда она знает?

— Да. Моя мать была сильфидой.

— Была, — как эхо повторяет она.

— Она умерла одиннадцать лет назад.

— Тогда летим с нами! — предлагает огонек-мужчина. — Почтим ее память.

— Говорю же — не умею! Я лишь наполовину феяри и не могу летать, как она. Хватит играть с моей скорбью!

Первый огонек складывает руки в невинном жесте:

— Ты пропустишь восход. Солнце почти у горизонта. Не хочешь взглянуть?

Восход солнца. Значит, мой покой почти закончен. Стоит лишь подумать о домашних делах, штотке одежды и словесных оскорблениях, ждущих меня по возвращении в квартиру, и на сердце становится тяжело. Я бросаю взгляд на горизонт, но не вижу и следа солнца: за высокими дымовыми трубами мало что можно разглядеть. Мной овладевает тоска, и непокорная часть меня, доставшаяся мне от фейри, тянет вперед, побуждая бросить все и сбежать. Но тут же в голове эхом звучит давнее обещание.

«Никогда не сдавайся. Обещай мне».

Стиснув зубы, я поднимаюсь на ноги и, удерживая равновесие на выступе крыши, поворачиваюсь к трубе. Привстаю на цыпочки, вытягиваю руки и хватаюсь за верхушку трубы, не обращая внимания на сажу, оставляющую пятна на коже и одежде. Я взбираюсь наверх, и огоньки, хихикая, выются вокруг меня.

Мне всегда без труда удавалось куда-либо залезть. Мама помогла мне вскарабкаться на мое первое дерево, а потом впервые подняться на крышу нашего поместья, чтобы вместе любоваться восходом солнца. Воспоминания грозят свалить меня, но я, напротив, нахожу в них силы. Забравшись на трубу, выпрямляюсь во весь рост, упираюсь ногами по обе стороны зияющего дымохода и вновь смотрю на горизонт.

— Прыгай! Лети! — умоляет огонек-мужчина, но я не обращаю внимания.

— Пой! — с насмешкой во взгляде предлагает первый огонек. — Ты хочешь, знаю!

Услышав подобный вызов, я ощущаю, как напрягаются плечи, а внезапно появившийся в горле ком рвется на свободу. Когда я забираюсь так высоко, отчасти уступая своей природе фейри, меня

всегда тянет петь. Сама мысль о том, чтобы начать напевать, позволив голосу влиться в тихую мелодию утра, вызывает во мне болезненное желание поддаться этому порыву. Горло сжимается, словно музыка рвется на волю, но я лишь сглатываю и качаю головой.

— Я не пою.

Больше нет.

Огоньки все так же насмеваются и дразнят, но сейчас они меня не волнуют. Поверх дымовых труб и фабрик, усеивающих Серый квартал — такой же мрачный, как и его название, — я всматриваюсь в даль, окидывая взглядом город, раскинувшийся за пределами района, а за ним горы и сельскую местность вдали.

Вскоре я снова остаюсь одна, даже не заметив, как заскучавшие огоньки уносятся прочь. Застыв на месте, позволяю ветру трепать ткань пальто и танцевать в моих волосах.

Я слышу, как меняется музыка. Сперва раздается стук — открываются и закрываются двери, потом глухой звук шагов по бульжной мостовой; фабричные рабочие из близлежащих квартир и рабочих домов бредут навстречу новому дню, наполненному тяжким, изнуряющим трудом. Потом вступает ритм лошадиных копыт и колес экипажей, затем — вращение шестеренок и рев оживающих механизмов.

У меня дергаются пальцы, стремясь наиграть на призрачных клавишах пианино мотив, каждую звучащую в ушах ноту. Я уже давно не играла. И много месяцев не ощущала кончиками пальцев знакомую, успокаивающую тяжесть слоновой кости, не слышала звуков, эхом отдающихся у меня внутри. И пусть я отказываюсь петь, но по-прежнему нахожу утешение в игре на пианино. До сих пор ощущаю через него связь с мамой.

Точнее, так было прежде, пока мачеха не продала мой инструмент.

Я погружаюсь в песню, постукивая пальцами по бедрам. В мелодию вторгается крик младенца, разрывая ее подобно пропущенной ноте. И словно по команде из-за гор выглядывает первый луч солнца, расцвечивая небо приглушенными оттенками синего и золотого. Наблюдаю, как он омывает светом пригород у подножия гор, и у меня перехватывает дыхание. Где-то среди испещренной золотыми пятнами зелени находится дом моего детства, скромное загородное поместье, где я провела свои счастливейшие годы.

Пока все не изменилось.

Тогда я пела в последний раз.

И убила единственного человека, который меня любил.

Сглатываю обжигающий горло ком и вновь вслушиваюсь в нарастающую музыку. Она становится все громче, заглушая скрытую во мне печаль, постепенно превращающуюся в тихий шепот. Мелодия ускоряет ритм и в то же время замедляется, словно музыканты играют неслаженно. Я вновь начинаю постукивать пальцами, отбивая один такт, затем другой.

А потом слышу звон колоколов.

Сейчас разумнее всего спуститься и привести себя в порядок, пока мачеха не начала меня искать. Но солнце поднимается все выше, и я понимаю, что не могу отвести взгляд. Я замираю на месте, наблюдая, как становится ярче его золотой блеск. Улицу за улицей, оно целует Эванстон и в любой миг осветит даже Серый квартал.

Внутри вспыхивает тревога, но мятежный дух словно приковывает ноги к выступу дымохода. Я стою здесь. Еще немного...

— Эмбер! — разносится по квартире внизу резкий голос, и я ощущаю, как напрягается спина, а внутри возникает прежнее желание сопротивляться. — Эмбер Монтгомери! — снова зовет меня мачеха.

Закрыв глаза, я стискиваю зубы и тянусь к висящему на шее медальону. Крепко сжав его, пытаюсь успокоиться, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. А после, выпустив медальон, спускаюсь с дымохода и ползу к краю крыши. Подальше от мира. И от музыки.

Чтобы выполнить условия сделки, которую мне вовсе не следовало заключать.





Эмбер

Каждого человека на острове Фейривэй учат никогда не заключать сделки с фейри. Этот принцип усвоили задолго до того, как двадцать один год назад фейри поглотили людские земли и объединили их под своей властью.

Однако никто не предупреждает самих фейри — или полуфейри вроде меня — никогда не заключать сделок с людьми. Я часто задаюсь вопросом, пошла бы я на сделку три года назад, если бы мне с детства вдалбливали это предупреждение? Или вес горя и вины все равно не позволили бы мне отличить правду от лжи и распознать хитрость?

Впрочем, подобные вопросы все равно не помогут. Они не изменят того, что я скована заключенной сделкой. И привязана к мачехе.

Еще на целых две недели.

Я снова слышу собственное имя, на этот раз ближе. Торопясь поскорее вернуться, спрыгиваю на навес над окном своей спальни. К счастью, квартиры